

УДК 82.0: 821.162.4

**Межкультурные реминисценции: Сергей Есенин
и словацкая поэзия**

Голикова Л. П.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Есенинские реминисценции в творчестве словацких поэтов XX века на уровне мотивов, художественно-эстетической образности, изобразительных средств.

Ключевые слова: *межлитературные общности, языковое и этническое родство, словацко-русские культурно-исторические и литературные контакты, реминисценции, этнокультурная идентификация, рецензии, межэтническая интеграция, полиэтническая ориентация.*

Постановка проблемы. Как известно, межлитературные общности возникают в мировом культурном пространстве на основе разных признаков. К наиболее устойчивым относится языковое и этническое родство, на основе которого и образовалась особо устойчивая общность славянских литератур. Как бы ни менялись исторические судьбы славянских народов и взаимоотношения славянских государств, общность славянских культур, видоизменяясь во времени, продолжает сохранять свое значение [1, с. 262].

Цель статьи – изучение есенинских реминисценций в творчестве словацких поэтов XX века на уровне мотивов, художественно-эстетической образности, изобразительных средств.

Русско-словацкие культурно-просветительские контакты, берущие начало в XVII веке, в последующие века развиваются успешно и динамично [2, с. 25]. В XX веке в Словакии активно переводятся произведения русской классической литературы, начинается новый этап русско-словацких культурных контактов. Анализ специфики восприятия произведений русских авторов словацкими писателями раскрывает суть этнокультурных взаимосвязей, аккумулирующих позитивный опыт культурных традиций на уровне межэтнической интеграции [3]. В славянских странах творчество Сергея Есенина было известно еще при жизни поэта, т.е. уже в двадцатые годы. В Чехии и Словакии печатаются переводы отрывков из поэм «Песнь о великом походе», «Баллада о 26», выходит том избранных произведений под названием «Иная страна» с предисловием редактора газеты «Руде право» Йозефа Гора.

Вскоре после смерти Есенина на словацкий язык были переведены два стихотворения, сразу же ставшие популярными – «Письмо от матери», в котором на упрёки матери:

Мне страх не нравится,
Что ты поэт,
Что ты сдружился
С славою плохую,
Гораздо лучше б
С малых лет
Ходил ты в поле за сохой [4, с. 369].

В стихотворении «Ответ» сын отвечает:
Я нежно чувствую
Твою любовь и память.
Но только ты
Ни капли не поймешь –
Чем я живу
И чем я в мире занят.
...
Родимая!
Ну как заснуть в метель?
В трубе так жалобно и так протяжно стонет,
Захочешь лечь, но видишь не постель,
А узкий гроб и – что тебя хоронят [4, с. 370].

Тема взаимоотношений матери и сына, оказавшихся в разных жизненных ситуациях, невозможность понять друг друга привлекла внимание словацких поэтов и руководила выбором стихотворений для перевода. В этих и других стихах Есенина, обращенных к матери, олицетворяющих родной очаг, много грусти. Словацкие поэты сумели осмыслить драму этих стихов в категориях, продиктованных событиями эпохи, в которой «русское» и «словацкое» идентифицируются в «общеславянском».

Поэзия Есенина была близка и понятна словацким поэтам на разных уровнях мировосприятия. Христианство, отношение к Богу на рубеже XIX-XX вв. в славянских литературах выявляют сходное осмысление и интерпретацию, эмоциональную наполненность, а так же целый комплекс мировоззренческих противоречий. Отношение классика словацкой поэзии П. Гвездослава (1849-1921) к Богу неоднозначно, что неудивительно для мыслящего человека рубежа веков. С одной стороны, природа и человек в его мировоззренческой системе – творения Божии и в вопросах религии поэт – верующий христианин. С другой стороны, богоборческие, горькие стихи «Псалом жалобы» и «Псалмы и гимны», связанные с личными утратами и разочарованиями, обращены к Богу. Далее, в «Кровавых сонетах», Гвездослав отмежевывается от официальной церкви, попирает главные заповеди. Его Бог – иной – «справедливый, милосердный, способный проявить человечность». Поэт мечтает сделать мир более гуманным. «Я голос вопиющего в пустыне», - как ощущение пророческой миссии, исполнить которую невозможно [5, с. 220].

Библейский образный круг в эти же годы и для Есенина не являлся чем-то канонически программным. Очевидна и душевная раздвоенность. В «Инонии» богохульство носит оттенок декоративности и нарочитости. Он «выплювывает христово тело изо рта», «выщипывает бороду оскалом своих зубов», утверждает, что «новый пришел Идиоплов». Но в стихотворении «Пришествие» библейская точка опоры предстает с последующим поворотом смысла:

Господи, я верую!
Но введи в свой рай
Дождевыми стрелами
Мой пронзённый край.
За горой нехоженой,
В синеве долин,

Снова мне, о боже мой,
Предстает твой сын.
По тебе молюся я
Из лужицких мест,
Из прозревшей России
Он несет свой крест [4, с. 370].]305].

Сближают словацкого и русского поэтов и другие темы – родины, семьи, простые реалии деревенского быта, нежная и скорбная любовь к матери. Из этих интимных чувств рождается ощущение всеславянской сопричастности.

В «Очаге и костре» Гвездослава и «Отговорила роща золотая» Есенина наблюдается критический, кульминационный момент осеннего увядания, «умирание» природы, навевающие грусть и тоску, но и побуждающие поэтов к философским поискам смысла бытия под девизом «momentomogi». Примечательно, что оба стихотворения написаны поэтами в молодом возрасте, далеко от физического старения. Соотнесенность природного круговорота и человеческой жизни, кровное взаимопротекание «всего и вся» – это и есть уникальное мироощущение Гвездослава и Есенина, один из главных мотивов творчества.

В 1930-е годы отдельным изданием в Братиславе вышел сборник избранных произведений поэта. Многочисленные отклики критиков и читателей свидетельствовали о признании поэзии С. Есенина в Чехии и Словакии, о появившихся последователях среди молодых поэтов. М. Хорват, словацкий критик, писал по этому поводу: «Влияние поэзии Есенина не было случайным, так как и русская и словацкая деревня, крестьянство вызывали интерес многих поколений литераторов, но образ крестьянина-творца раньше не был создан ни в одной из этих литератур. Он возникает только благодаря заслуге Есенина и живет в ней во всей полноте» [6, с. 114].

Янко Есенский (1874-1945) – «знаковая» фигура в словацкой литературе. Его судьба самым причудливым и драматическим образом пересеклась с Россией через обстоятельства исторического характера: мировую войну 1915 года. Но «русская тема» возникла в его творчестве значительно раньше. В стихотворении «Русской душе» - его взгляд на русского человека, чувство доверия и симпатии:

Пушкина, Лермонтова строки
Мне подарившая страна!
Там в комнатухе у окна
Мне снился образ твой высокий.
И я молил: тот чудный край,
Онегина с его Татьяной,
Кавказ Печорина туманный
И Веру видеть, Боже, дай! [7, с. 31].

В 1934 году в Словакии вышло собрание произведений Есенина в переводе Я. Есенского, в творчестве которого критики отмечали присутствие есенинских реминисценций на уровне мотивов, использование арсенала его художественных средств, глубокую наполненность лирики народностью. Например, цикл «Песни» навеян стихией славянского фольклора, деревенской образностью, картинами природы. По признанию поэта, в «бесконечном шуме поэтического многоголосия», в «сверкании изысканных поэтических форм» он порой ощущал «страстную жажду», потребность в «тихой и простой мелодии», которую находил в стихах Есенина, полнокровных образах славянской природы, созвучной человеку: *Отозвалась гора,/ Откликнулась скала,/ Только милая моя, любимая моя/ Промолчала... Одинокая душа скорбит и кричит, взывает о помощи, но на тоску по потерянной любви откликается только природа горным эхом. Целую гамму чувств и переживаний способно вместить короткое, но по-есенински глубокое стихотворение* [8, с. 21].

Созвучие фамилий Янко Есенского и Сергея Есенина обыграл в одном из своих стихотворений «У истока» Л. Новомесский (1904-1976). С творчеством этого поэта в словацкую поэзию вошла близкая ему по мироощущению «грустновато-меланхолическая есенинская интонация» [9, с. 502].

Традиции есенинской лирики сохранились и во второй половине XX века. Особенно близок Есенину поэт Андрей Плавка, значительная часть творчества которого посвящена деревенской жизни, ее радостям и печалям. Непосредственное влияние есенинской поэзии, отдельных ее мотивов и образов дает о себе знать во многих стихах названного поэта. Его программное стихотворение «Духу Есенина» говорит о большом влиянии на автора есенинской поэзии. В ряде стихотворений можно встретить есенинские реминисценции – фразировку строк: «дописал деревянную повесть своей жизни», «есть частица черта и частица ангела во мне» - они-то и вызывают в памяти аналогичные есенинские – «часы деревянные прохрипят мой двенадцатый час», «но колья черти в душе гнездились, значит ангелы жили в ней...» [3, с. 144].

В стихах словацкого поэта встречаются отголоски есенинской мысли о быстро промчавшейся молодости, о неизбежности расставания с ней – «Словно я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне». Стихи словацкого поэта тоже говорят о неотделимости жизни человека от природы с начала и до конца. Часто в его стихах возникает образ родного края, который неустанно влечет его к себе. Поэтический арсенал А. Плавки во многом обогащен есенинскими реминисценциями в области поэтики. Об этом свидетельствуют и композиционное построение стихов, и есенинские повторы, сходство отдельных элементов текста, та же деревенская среда – образ ожидающей матери, те же афоризмы и даже цветовая гамма, совпадающая с доминирующей есенинской синевою («несказанное, синее, нежное», «синий цвет, такой синий! / В эту синь даже умереть не жаль», «май мой синий, июнь голубой!)). А также часто встречающиеся есенинские глаголы «поливать», «плавать» («красной водой поливает восход», «по пруду лебедем красным плавает тихий закат», «листьями звезды льются в реки») исследователи выделяют и в поэзии Плавки [10, с. 148].

Для усиления образности Плавка, подобно Есенину, широко использует образы небесных тел. Например, его месяц-луна как «смутное дитя высот поливает серебром все вокруг». Космос у него подобен живым существам, поэтому небесные тела приближены к земле как часть мироздания. Эту характерную черту есенинской образной системы наследует и словацкий поэт.

Близок С. Есенину и Милан Руфус, который не только переводил его стихи, но и испытывал их притягательную силу, что отразилось в ряде собственных творений поэта. В двух балладах, посвященных смерти Есенина, налицо его близость к русскому поэту. Зачастую рецепции есенинских мотивов переплетаются с его собственными и создают оригинальное сочетание. Как и у Есенина, в стихах Руфуса природа и космос очеловечиваются и земное начало торжествует. Средством, выражающим одухотворенность окружающих неживых предметов и явлений, служит олицетворение. Многие стихи Руфуса буквально насыщены есенинскими реминисценциями на уровне метафор. Как у Есенина «Рыжий месяц жеребенком запрягался в наши сани» или «золотую лягушку луна распласталась на тихой воде», так и у Руфуса луна «выступает рыжей лисой, шумно пьющей воду из пруда» [7, с. 198].

Выводы. Роль есенинских реминисценций в словацкой поэзии разнообразна, что свидетельствует и об авторитете русского поэта и, главное, создании художественной многозначности поэтических текстов, расширении смыслового пространства. Есенинские принципы передачи эстетического восприятия мира остаются и сегодня близкими словацким поэтам.

Как писал один из словацких исследователей Есенина В. Петрик, причина своеобразного культа поэта в том, что его стихи – «это исповедь, глубокое интимное раскрытие духовного мира самого поэта, который открыл читателю все, что есть и в нас самих» [2, с. 145].

Список литературы

1. Шерлаимова С. Славянские литературы в общеевропейской литературной системе / С. Шерлаимова // Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов. – М., 1998. – С. 262.
2. Голикова Л. Россия и Словакия: литературные контакты: [учеб. пособие для студ. филол. фак.] / Л. Голикова. – Краснодар: КубГУ, 2002.
3. Červeňák A. Nauvod / A. Červeňák // Slovensko-ruskejazykove', literarne a kulturnevztahy a súvislosti. – Bratislava-Nitra, 2002. – С.8.
4. Есенин С. Собр. соч.: [в 3 т.] Т.1 / С. Есенин. – М., 1977. – С. 369; 370; 305.
5. Шведова Н. Павол Орсак-Гвездослав / Н. Шведова // Словацкая литература. От истоков до конца XIX века. – М., 1997. – С. 220.
6. Slovenskaaruskaliteratura. – Bratislava, 1973. – С. 114.
7. Словацкая поэзия XIX – XX вв. – М., 1964. – С. 31; 198.
8. Jesensky Janko. V kritikeas pomienkach. – Bratislava, 1955. – С. 21.
9. История литератур западных и южных славян: [в 3 т.] Т3. – М., 2001. – С. 502.
10. Horkovič M. APlankaaruskapoezia / M. Horkovič. – Nitra, 1992. –С. 148.

Голикова Л. П. Міжкультурні ремінісценції: Сергій Єсенін і словацька поезія// Ученіє запискі Тавріческого національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т.25 (64). – № 1. Частина 1. – С.61-66.

Єсенінські ремінісценції в творчості словацьких поетів XX століття на рівні мотивів, художньо-естетичної образності, образотворчих засобів.

Ключові слова: міжлітературні спільності, мовна й етнічна спорідненість, словацько-російські культурно-історичні та літературні контакти, ремінісценції, етнокультурна ідентифікація, рецепції, міжетнічна інтеграція, поліетнічна орієнтація.

Golikova L. Intercultural reminiscences: Sergei Yesenin and Slovak poetry // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communications». – 2012. – V.25 (64). – № 1. Part 1. – P.61-66.

Yesenin's reminiscences in the works of Slovak poets of the XX century on the level of motives, literary and aesthetic imagery, figures of speech.

Key words: *cross-literature items, linguistic and ethnic similarities, Slovak and Russian cultural, historic, and literature contacts, reminiscences, ethnic and cultural identity, reception, cross-ethnic integration, multiethnic orientation.*

Поступила в редакцию 05.04.2012 г.